

1911.02.04
(январь)

ЧИТКА ПЬЕСЫ

Евгений КЛЮЕВ

Думайте о нас!

Лирическая комедия
в трех действиях с эпилогом

Продолжение. Начало см. № 39-40, 2003

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. По-моему, это не Мария.

МАРИЯ (обескураженно). То есть как это? А кто же я, по-вашему?

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. Не знаю. Не Мария – и все тут. Я вижу, что вы не Мария.

МАРИЯ. Я просто даже и не знаю, как к этому отнестись... И вообще...

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. А вы никак не относитесь. Докажите, что вы – Мария, этого будет достаточно.

МАРИЯ. Да как же мне доказывать, когда это очевидно? (Думает). Ну... Документ у меня есть – с фотографией...

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. И – что?

Е.В. Вы подделали этот документ. Он фальшивый. Стража!

Входят два стражника.

МАРИЯ. Ну, знаете ли! Это... это вообще возмутительно! Я ухожу!

Е.В. Да уходите вы с Богом! Что вы нас пугаете все время? Жили же мы без вас довольно долго. Непонятно только, чего вы злитесь. Почему раздражаетесь? Мы ведь только высказали сомнение в том, что вы – та, за кого себя выдаете. Сами вы каждую минуту сомневаетесь в нашей честности, хотите, чтобы мы не раздражались, когда не доверяете нам, так отчего же сейчас-то на стенку лезете?

МАРИЯ. Ах, так это был розыгрыш! Ооочень смешно!.. Только то, что я Мария, не нуждается в доказательствах. Я же не выдаю себя за Его Величество или за Фею Счастья!

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. Но и я не выдаю себя за Марию – будучи Феей Счастья! Я за Фею Счастья и выдаю себя: как есть! Вам не показалось, что вы бестактны?

Е.В. Довольно. Эта девушка ни на минуту не допускает, что можно не поверить ей, но охотно допускает, что сама она может не верить кому угодно. По мне, так вас, Мария, вообще не существует, если не существует меня!

Р.Е.В. Ваше Величество, успокойтесь!

Е.В. Я спокоен! Я только не понимаю, по какому праву эта девушка позволяет себе раздавать оценки направо и налево. Почему мы все должны перед ней оправдываться? Если ей почему-то кажется, что все собравшиеся здесь – мошенники, то не лучше ли ей действительно не мучиться в нашей компании? Ведь это и впрямь, наверное, мучительно – быть среди мошенников!

МАРИЯ. Но я не...

Е.В. (кричит). Я не закончил! Мы живем тут уже очень давно. Вас, Мария, еще на свете не было, когда здесь это все уже было! У нас свой круг – довольно замкнутый, тесный круг – и все мы любим друг друга и доверяем друг другу! Вас приглашают к нам – из леса, со стороны, потому что вы заблудились и показались нам милым и хорошим человеком! А вы с порога требуете объяснений, которых не заслужили еще и которых, может быть, даже не сумеете понять! Откуда у вас такие претензии, где вы росли? (Долго молчит).

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

МАРИЯ. Но я не...

Е.В. (кричит). Я не закончил! Мы живем тут уже очень давно. Вас, Мария, еще на свете не было, когда здесь это все уже было! У нас свой круг – довольно замкнутый, тесный круг – и все мы любим друг друга и доверяем друг другу! Вас приглашают к нам – из леса, со стороны, потому что вы заблудились и показались нам милым и хорошим человеком! А вы с порога требуете объяснений, которых не заслужили еще и которых, может быть, даже не сумеете понять! Откуда у вас такие претензии, где вы росли? (Долго молчит).

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

МАРИЯ. Но я не...

Е.В. (кричит). Я не закончил! Мы живем тут уже очень давно. Вас, Мария, еще на свете не было, когда здесь это все уже было! У нас свой круг – довольно замкнутый, тесный круг – и все мы любим друг друга и доверяем друг другу! Вас приглашают к нам – из леса, со стороны, потому что вы заблудились и показались нам милым и хорошим человеком! А вы с порога требуете объяснений, которых не заслужили еще и которых, может быть, даже не сумеете понять! Откуда у вас такие претензии, где вы росли? (Долго молчит).

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

МАРИЯ. Но я не...

Е.В. (кричит). Я не закончил! Мы живем тут уже очень давно. Вас, Мария, еще на свете не было, когда здесь это все уже было! У нас свой круг – довольно замкнутый, тесный круг – и все мы любим друг друга и доверяем друг другу! Вас приглашают к нам – из леса, со стороны, потому что вы заблудились и показались нам милым и хорошим человеком! А вы с порога требуете объяснений, которых не заслужили еще и которых, может быть, даже не сумеете понять! Откуда у вас такие претензии, где вы росли? (Долго молчит).

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

МАРИЯ. Но я не...

Е.В. (кричит). Я не закончил! Мы живем тут уже очень давно. Вас, Мария, еще на свете не было, когда здесь это все уже было! У нас свой круг – довольно замкнутый, тесный круг – и все мы любим друг друга и доверяем друг другу! Вас приглашают к нам – из леса, со стороны, потому что вы заблудились и показались нам милым и хорошим человеком! А вы с порога требуете объяснений, которых не заслужили еще и которых, может быть, даже не сумеете понять! Откуда у вас такие претензии, где вы росли? (Долго молчит).

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

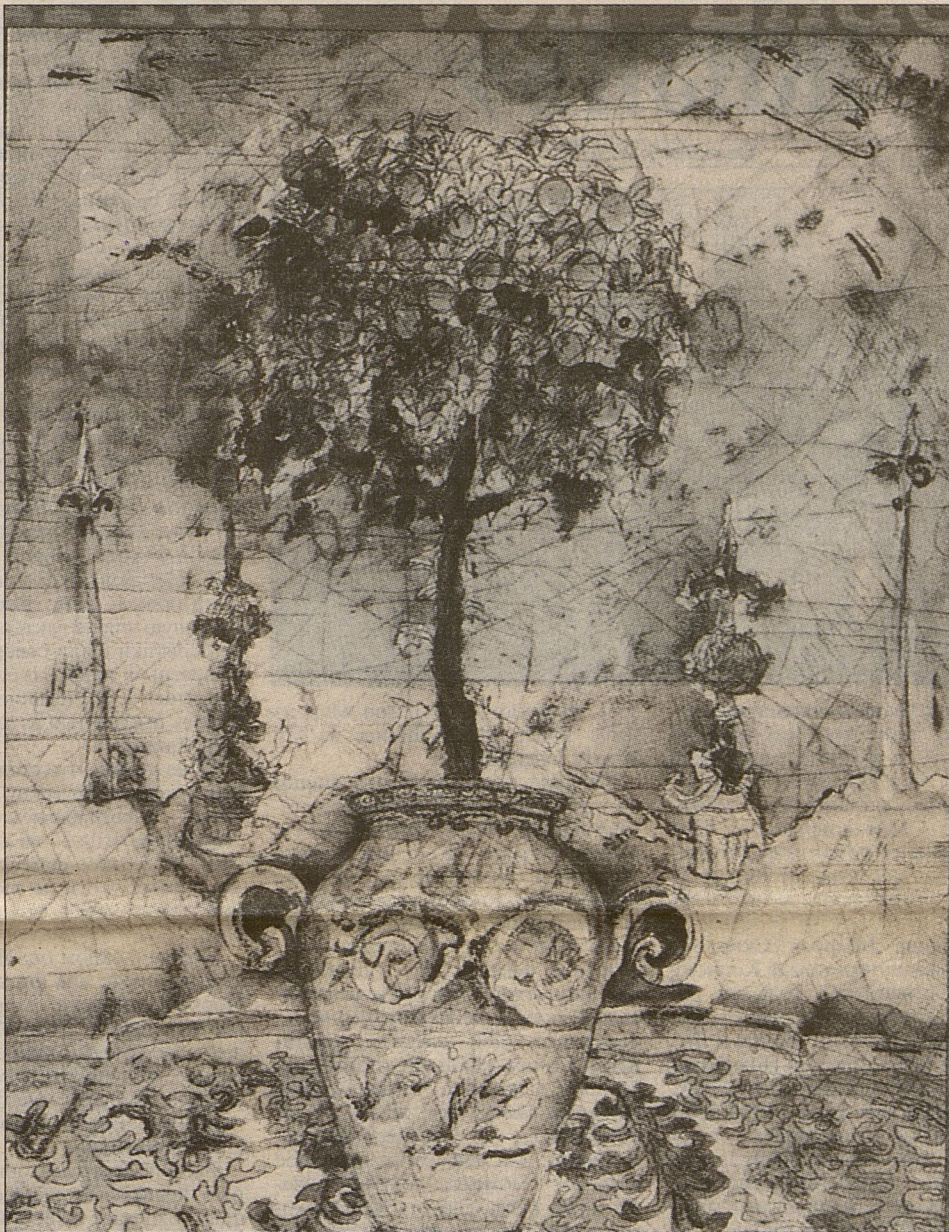
Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

Люди, люди!.. То, что им непонятно, они объявляют несуществующим! Они не допускают даже мысли о том, что возможности их познания – их рассудка, в конце концов! – чрезвычайно ограничены! При этом они говорят, что мир бесконечен и что не бывает абсолютного знания! Какое ханжество – говорить это и не быть в состоянии отказаться от пары расхожих заблуждений... да еще цепляться за свои заблуждения и нагромождать их одно на другое. И никто, никто не имеет смелости сказать: "Я не знаю этого. Я не могу этого объяснить". Напротив, все убеждены, что объяснить можно что угодно – и ведь объясняют! Вы уже на этом пути, вы можете объяснить что угодно, Мария! Это ужасно, ужасно!..

Это все человеческий эгоизм, человеческая самовлюбленность. Люди ни на секунду не могут допустить, что существуют вещи, которые им не по уму – по крайней мере, сегодня. И они бросаются на эти вещи всею силою небольшого своего интеллекта, который не выдерживает такой нагрузки. Все просто, все очень просто...

Пауза.

МАРИЯ (очень тихо). Простите меня.

Р.Е.В. Полно, детка. Все кругом правы. Надо только помнить, что и ваш оппонент – так же, как и вы, – прав.

Е.В. И вы простите меня, Мария. Я вел себя глупо. И все же... Мария, я хочу вам помочь. Хочу – и не знаю как. Что нужно сделать такое, чего вы не смогли бы объяснить?

МАРИЯ. Я не знаю, Ваше Величество! (Очень грустно и искренне). Это действительно ужасно, но мне кажется, что у меня для всего найдется какое-нибудь объяснение. Я могу солгать, могу притвориться, могу вид сделать, что чего-то не понимаю, но внутри, там (показывает на грудь), я все-таки объясню себе это как-нибудь – даже раньше, чем смогу отдать себе в этом отчет.

Е.В. Как это тяжело слышать, как тяжело!

Пауза.

МАРИЯ. Хотя... Ваше Величество! (С радостью). Я вспомнила, что! Ваше Величество, я знаю! У меня... несколько лет назад у меня умерла бабушка. Я очень любила ее. Не могли бы вы...

Е.В. (ликуя). Я понял вас! Фея Счастья, пригласите, пожалуйста, Фею Вчерашнего Дня.

Фея Счастья дудит в маленькую свирель. По лестнице спускается очень красивая и совсем юная девушка в белых одеждах, со смеющимися глазами.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Вы звали меня, Ваше Величество?

Е.В. Да, спасибо. Мария, это Фея Вчерашнего Дня. Фея Вчерашнего Дня – это Мария. Знакомьтесь.

Девушки жмут друг другу руки.

МАРИЯ (с восхищением). Какая вы красивая! Я ожидала увидеть... старую женщину... странно! Я никогда не видела такой красивой... красивой... (с трудом) феи.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Это вам только кажется. Прошлое всегда кажется прекрасным – каким бы оно на самом деле ни было. (Ласково). Вы о чем-то хотели попросить меня?

МАРИЯ (как во сне). Да... О чем-то... из прошлого, почти из детства.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Посмотрите пока вот в этот шарик: он вам понравится (протягивает Марии шарик, та зачарованно смотрит в него на протяжении всей сцены). Ваше Величество, вы уверены, что поступаете правильно? Стоит ли возвращать... детство? Мало кто может вынести это.

Р.Е.В. и **С.Е.В.** (одновременно). Не надо, Ваше Величество!

Е.В. Шут, вы тоже считаете, что этого делать не надо?

ШУТ. Нет, Ваше Величество. Я знаю, чего все боятся. Все боятся за рассудок Марии. Но на что человеку такой рассудок, который неспособен вынести встречи с собственным детством? Крепкий рассудок хуже безрассудства.

Е.В. Итак, двое против двух. Фея не в счет.

С.Е.В. Нет, не против двух. Я – больше, чем один!

Е.В. (строго). Что это значит, мой мальчик?

С.Е.В. Я люблю Марию.

Пауза.

Е.В. Вот так-так...

МАРИЯ (глядя в шарик). Да-да, я вспоминаю все это... Лесок вспоминаю – и там мухомор! И должна быть еще такая беседка... вот она! Как прекрасно, Фея! Милая Фея!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 1-я

Иван Петрович перед дверью, ведущей во дворец. Ее охраняют два стражника.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Пустите меня внутрь!

1-И СТРАЖНИК. Вход – только в обществе Его Величества.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да оно уже внутри!

2-И СТРАЖНИК. Что еще за – "оно"?

Или – кто?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да Величество же!

2-И СТРАЖНИК. То-то!.. А то – смотри у меня!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Поймите – с ним девушка! А я несу за нее ответственность!

2-И СТРАЖНИК. Ну и несите свою ответственность – только с этой стороны. Не все ли вам равно?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я должен войти! Пустите! Она моя секретарша! Я наконец требую!

1-И СТРАЖНИК. Прямо феодал какой-то! Он требует!.. Вы не имеете права требовать. Вы вообще – никто.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Как это – никто? Что значит – никто? Я человек!

1-И СТРАЖНИК. Это недоказуемо (смотрит на него). И потом – какой же вы человек? Человек – это, у кого достоинство...

А вас много таких тут ходит.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Вызовите мне Величество!

2-И СТРАЖНИК. Нет, ну, каков, а? Так-таки и вызвать? Одну минуточку – я сейчас сбегу, и Его Величество вмиг к вам примчится! А не провалите ли вы отсюда, пока я вот этой вот штукой (трясет пикой) не пресек вашего земного существования?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Э-эй! Потихоньку! Меня сюда, между прочим, приглашали. Я – Иван Петрович!

2-И СТРАЖНИК. Вот и шли бы, когда приглашали. А теперь нечего. Тоже мне – Иван Петрович!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да вы хоть Шута спросите, Шут тоже в курсе. Я должен войти!

2-И СТРАЖНИК. Пойти, что ли... Найдут кого-нибудь. Может быть, придут опознать... труп.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Это как, то есть труп? Чей труп?

2-И СТРАЖНИК. Да ваш труп, Иван Петрович, чей же еще? Убивать я буду вас сейчас.

Иван Петрович делает шаг назад.

1-И СТРАЖНИК (2-му стражнику). Сходи во дворец. Не отстанет ведь! (2-й стражник, чертыхаясь, уходит, 1-й обращается к Ивану Петровичу). Ну-с, начнем?

ИВАН ПЕТРОВИЧ (себе под нос). Я с ума сойду! Здесь не было никакого дворца, сколько лет сюда езжу! Я точно помню, что не было – вот и весной еще этой не было...

1-И СТРАЖНИК. Что вы там бормочете? Молчитесь!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Любезнейший, э-э-э... Вы не могли бы мне сказать, давно ли это все тут (показывает на дворец) очутилось?

1-И СТРАЖНИК. Это-то все давно, да вас вот я первый раз вижу. И последний. Я уже хотел бы начать убивать вас...

ИВАН ПЕТРОВИЧ (озадаченно). Черт бы вас побрал с вашими шуточками!

1-И СТРАЖНИК. Шуточками! Вы какой-то совершенно бессовестный тип. Вам говорили, что вы очень неприятный?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Вы зато очень при-

Зван и сценарист

ятный! Убийца!

1-Й СТРАЖНИК. А вот я тебя!..

Появляется 2-й стражник, ведущий за собой придворного астролога.

2-Й СТРАЖНИК. Вот он, этот тип, который хочет во дворец.

П.А. Вам зачем во дворец?

ИВАН ПЕТРОВИЧ (теряясь). Там девушка...

П.А. Вы интересуетесь девушками? Зачем они вам? Вы же старый и скоро умрете!

ИВАН ПЕТРОВИЧ (стражникам). Кого это вы мне привели?

П.А. Вы так формулируете свой вопрос, что можно подумать, будто вы – царь. (Подумав). Или даже – Бог.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Зачем вы его привели? Я же просил: Величество или Шута. Этот ведь меня не знает.

П.А. И знать не желаю сволочь такую!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ка-а-ак?! Что вы сказали?

П.А. Чего вы кипятитесь? Все люди – сволочи.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Как вам не стыдно! А еще старик!

П.А. (обидевшись). Сами вы – старик! Я, между прочим, астролог. Я читаю по звездам судьбы людей. И вижу вас насквозь. (Стражникам). Чего еще хочет этот человек?

1-Й СТРАЖНИК. Трудно понять. Кажется, он несет какую-то ответственность. Но говорит очень путано и задает много вопросов.

П.А. Одним словом – сволочь. Может быть, просто убить его?

1-Й СТРАЖНИК. Да я и хотел. Только вот – отвлекся на разговоры.

П.А. Старик, вас сейчас убьют – и у вас станет все в порядке. (Смотрит в небо). Звезды не против: стеклись благоприятно. Хотите умереть?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Еще один пугать взялся! Не имеете вы права меня убивать, я не ваш подданный!

П.А. Вы, может быть, отважны?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я прошу вызвать царя. Или, на худой конец, Шута, который в курсе.

П.А. Во-первых, царя там нету никакого. Царь – это вы. А во-вторых, ходить, вызывать... Тут не больница. Проще вас убить. (1-му стражнику). Убейте вы его, Христа ради. Пора уж.

1-й стражник поднимает над головой копье.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (отступая). Вы не смеете! Это же... это же не шутка! Я... (бежит и отбегает на безопасное расстояние) – я жаловаться буду!

П.А. Куда, позвольте полюбопытствовать?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Не ваше дело! С вами я вообще не разговариваю, мракобес!

П.А. Он отважен. Он отважен, как черт! Bravo! Я вызову вам Его Величество. Завтра. Вы не горюпите?

ИВАН ПЕТРОВИЧ (вопит). Завтра мне на работу!

П.А. Ладно, не орите... Доложу сейчас (уходит, но оборачивается). Ужасный вы! У-ух! (поеживается).

2-Й СТРАЖНИК. Настырный попался. (Ивану Петровичу). Подойдите-ка сюда. Да не бойтесь, не будем мы вас убивать. Больно нужно!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А зачем мне подходить в таком случае?

1-Й СТРАЖНИК. Вы, что же, привыкли только тогда подходить, когда вас убивать собираются? Да вы герой просто! Закурить не найдется?

ИВАН ПЕТРОВИЧ (отступая еще дальше). Знаем мы эти "закурить"! Некурящий!

1-Й СТРАЖНИК. Молодец! Береги себя! Для всех нас береги!

Появляется Его Величество.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (издалека). Ваше Величество, прежде чем я подойду, пусть мне гарантируют личную безопасность.

Е.В. (стражникам). Сразу условия ставит! (Ивану Петровичу). Да бросьте вы, Иван Петрович! Кому тут личность ваша, о безопасности которой вы так печетесь, особенно нужна?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Они вот (показывает на стражников) угрожали моей жизни!

Е.В. (стражникам, устало). На кой черт угрожали-то? Нашли с кем связываться! Сказал же астролог: сволочь. Он в этом разбирается.

1-Й СТРАЖНИК. Пошутили, Ваше Ве-

личество. Скучно стоять-то тут, вот и...

Е.В. (Ивану Петровичу). Да ладно, идите вы сюда. Никто вас не тронет. Милости прошу!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Можно, значит?

Е.В. Ну, что ж с вами делать?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А Мария где?

Е.В. Цела ваша Мария. Вас дожидается.

Вы подойдете все-таки? **ИВАН ПЕТРОВИЧ.** А почему Мария сама ко мне не вышла?

Е.В. Вот ведь наказание-то Божье! Да вы просили разве, чтобы Мария вышла? Вы же меня просили выйти, я и вышел. Я, милый, начинаю гневаться. Или входите наконец, или я сейчас сам вас прикончу. Чего вы вилаете?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Иду, иду... Только уж, пожалуйста, насчет личной безопасности и неприкосновенности...

Е.В. (с тоской в голосе). Торгуется, а? Нет, я все-таки добр. Просто-таки безгранично добр и терпелив. Идемте уж! Герой!..

Его Величество и Иван Петрович уходят во дворец.

1-Й СТРАЖНИК. Опять не убили никого... Одно слово: скучища! Ох-хо-хо!..

Занавес.

Картина 2-я

Тронный зал. Входят Его Величество и Иван Петрович.

Последний испуганно озирается.

Е.В. Вот вам и легендарный Иван Петрович.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Здравствуйте! (Расширяясь). День добрый.

МАРИЯ. Иван Петрович, голубчик, да как же вы решились-то?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Не мог без вас... дорогу найти. Все лес да лес... сроду он мне таким большим не казался! Шел-шел – вижу: дворец. Ну, я и понял, что это тот самый и есть.

Е.В. (Марии). А что говорил Шут? Куда бы ни идти, все равно получается в противоположную сторону! (Ивану Петровичу, серьезно). Вам повезло, что вы дворец увидели.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да как же его не увидеть-то – громадину такую?

Е.В. Многие не видят. По шестьдесят-семьдесят лет живут в этих краях и не видят. Просто так живут – и не видят.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я, вообще-то говоря, все вижу!

Е.В. (иронично). Вы опасный человек, Иван Петрович! С вами даже как-то немножко страшновато!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да уж, меня на мякине не проведешь. Я вот только хотел узнать: давно ли тут дворец?

Е.В. Снова здорово! Ну, давно, Иван Петрович, и – что?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да то, видите ли... (торжествуя). Раньше-то я здесь ничего подобного не замечал. А вот... Не считайте только за бестактность... Разрешение... разрешение на застройку у вас имеется?

Е.В. А как же, милейший Иван Петрович, а как же! Без разрешения ничего не делается в мире. Фея Вчерашнего Дня, покажите, пожалуйста, Ивану Петровичу разрешение.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ (дунув на ладонь, где появляется бумага). Прошу вас, Иван Петрович!

ИВАН ПЕТРОВИЧ (растерянно читает). Сим удостоверяю, что Его Величество имеет право проживать по адресу: улица Лесная, дом 5 – во дворце, завещанном Его Величеству предком Его Величества по материнской линии в 1145 году. Подпись: Фея Вчерашнего Дня. (Подозрительно). А печати-то нет!

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ (заглядывая в бумагу). Извините, не подумала. (Дует на бумагу). Теперь – порядок?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да вроде порядок, хотя... хотя что-то тут нечисто... (оглядывает всех).

Е.В. (феям). Оставьте нас.

Феи уходят вверх по лестнице.

ШУТ (глядя на Ивана Петровича). Этот человек способен принести несчастье.

Е.В. Вы думаете?

ШУТ. Я уверен, Ваше Величество.

Е.В. Мне страшно за его судьбу.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Это какие-то странные намеки.

МАРИЯ. А можно мне... Ваше Величество, я хотела бы поручиться за Ивана Петровича.

Е.В. На каком основании?

МАРИЯ. Ваше Величество, можно – на одну минуточку?

Е.В. Разумеется.

Его Величество и Мария отходят в сторону.

МАРИЯ. Не беспокойтесь, Ваше Величество. Человек этот, Иван Петрович, несчастья принести не может. Счастья от него, правда, тоже не дождешься, но и несчастья не будет. Понимаете, он... как бы вам сказать... от него мало что зависит в мире...

Е.В. Ладно тогда. Пусть будет. (Пристально смотрит на Марию). Черт вас знает, чем вы нас тут всех взяли!

Мария улыбается, пожимает плечами.

Подходит Сын Его Величества.

С.Е.В. У вас все в порядке?

МАРИЯ. Да, спасибо.

С.Е.В. А то я хотел помочь вам – спасти вашего друга.

МАРИЯ. Да нет, благодарю вас, все как-то утряслось.

Они возвращаются к остальным. Пауза.

МАРИЯ (Сыну Его Величества). Как вас зовут?

С.Е.В. Я... (растерянно) я – Сын Его Величества...

МАРИЯ. Знаю. Но ведь у вас есть имя.

С.Е.В. Нет... Да... Видите ли, дело в том, что у меня будет такое имя, какое вы захотите мне дать.

Мария долго смотрит на Сына Его Величества.

МАРИЯ (задумчиво). Вам подходит имя... Да, мне кажется, по-русски вас зовут Александр!

С.Е.В. Да.

Е.В. Поразительные успехи делает эта девочка! Вы не хотите спросить, Мария, почему мой сын соглашается на любое имя?

МАРИЯ (улыбаясь). Нет, Ваше Величество, не хочу.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А можно мне спросить?

МАРИЯ. Нет! Иван Петрович, миленький, на ваши вопросы нет ответов.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (обиженно). Но вы же еще не знаете, какие вопросы!

МАРИЯ. Знаю. Об этом легко догадаться. Вопросы у нас у всех одни и те же – глупые и ненужные.

Е.В. Bravo, Мария!

МАРИЯ (не слыша и глядя на Сына Его Величества). Я видела вас раньше, я вспоминала. Во сне. Нет, в мечте. Только я раньше не знала, что вы бываете. А вы бываете.

С.Е.В. Бываю. И я люблю вас.

МАРИЯ (эхом). Я знаю. И я люблю вас.

ШУТ. Даю голову на отсечение, эта девочка поняла все сама. А что я говорил, а, Ваше Величество?

Е.В. (радостно). Вы всегда правы, друг мой!

Р.Е.В. Никак в толк не возьму, чего это вы оба так радуетесь. По-моему, все это очень трагично.

Е.В. Трагично? Что, Моя Радость?

Р.Е.В. Трагична эта любовь.

ШУТ. Трагична всякая любовь, если она настоящая.

МАРИЯ (подходя к Сыну Его Величества). Не понимаю, что трагичного они нашли в нашей любви...

С.Е.В. (взяв Марию за руку). И вообще – что трагичного нашли они в любви как таковой...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Тут, я вижу, без меня многое произошло. Я должен вмешаться!

МАРИЯ (с мольбой). Не надо, Иван Петрович, не вмешивайтесь, прошу вас!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Нет уж, позвольте! (Всем). Вы здесь, как видно, все мастера туману напускать да людей к себе переманивать...

МАРИЯ. Иван Петрович, миленький, останьтесь!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Попрошу не перебивать! Так вот. Я от своего имени заявляю, что не позволю, чтобы такое происходило на моих глазах, и должен поставить вас в известность, что у Марии есть жених (делает неопределенный жест в воздухе) – там... Вот! И у вас ничего не получится!

С.Е.В. Мария?

МАРИЯ. А?

С.Е.В. Что он говорит?

МАРИЯ. Какая нам с вами разница, что он говорит?

С.Е.В. Значит, это правда?

МАРИЯ. Неважно. (Его Величеству). Ваше Величество, остановите вашего сына! Он задает много ненужных вопросов. Вам... вам не показалось?

Е.В. (очень серьезно). Нет. Это другие вопросы, Мария.

МАРИЯ (усмехаясь). Других вопросов не бывает. Это те же самые вопросы.

С.Е.В. Это другие вопросы.

Р.Е.В. Они правы, это другие вопросы.

МАРИЯ. Шут?

ШУТ (грустно). Да, Мария.

МАРИЯ. Тут все как-то очень солидарны. Вы тоже считаете, что я не права?

Пауза.

ШУТ. Нет.

Е.В. Шут!

ШУТ. Да, Ваше Величество!

Е.В. Вы, кажется, не согласны со мной?

ШУТ. Да, Ваше Величество.

Е.В. Насколько я помню, это впервые.

ШУТ. Да, Ваше Величество. Вы можете приказать отрубить мне голову. Это будет началом нашего конца.

МАРИЯ (Шуту). Спасибо вам. Вас, кажется, зовут... зовут... Петр?

ШУТ. Да, да, Мария!

Е.В. Дело принимает дурной оборот. Придется расстаться с Шутом. Шут! Вы не хотите сказать, что вы пошутили?

ШУТ. Нет, Ваше Величество.

Е.В. В таком случае... Фея Возмездия, спуститесь сюда, пожалуйста!

По лестнице спускается будничного вида женщина за пятьдесят. Она держится за поясницу.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Слушаю вас, Ваше Величество. (Замечив остальных). Добрый день, кого не видела.

Е.В. Мне очень жаль, но я вынужден расстаться с Шутом. Пожалуйста, превратите его в... в канделябр.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Осмелюсь заметить...

Е.В. Вас никто не просит осмеливаться.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Извините (пожимает плечами).

МАРИЯ (подходит к Шуту и берет его за руку). Я попросила бы превратить в канделябр заодно и меня. Лучше, когда канделябры – парные.

Е.В. Сейчас же отпустите руку Шута! Или вы действительно станете вторым канделябром!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Мария, бросьте, с кем вы связываетесь!

МАРИЯ. Я ни-ког-да не отпущу руку Шута!

ШУТ (пытаясь высвободить руку). Отпустите, Мария. Это глупо. Сейчас позовут стражу.

МАРИЯ (улыбаясь). Ни-ког-да. (Фее Возмездия). Начинайте, прошу вас.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Готово! Чего начинать-то, это одна секунда. Раз – и готово! (Его Величеству). Ваше Величество, девушку – тоже?

С.Е.В. Нет, нет, Фея Возмездия, подождите!

Е.В. Да, Фея Возмездия, девушку тоже. Она перестала мне нравиться.

С.Е.В. Отец!

Е.В. Молчать! Фея Возмездия, чего вы ждете?

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Единогласия.

Е.В. Здесь я – Величество!

МАРИЯ. Да какое вы Величество! Вы вовсе не Величество! Вы – так просто...

Е.В. Не смей! Фея Возмездия, приступайте!

С.Е.В. Нет! (бросается к Марии).

Фея Возмездия взмахивает рукой. Дым. Когда дым рассеивается, Мария и Шут стоят, как и стояли. Фея Возмездия сконфужена.

Е.В. Фея Возмездия, в чем дело?

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ (разводя руками). Кажется, я не совсем в форме. Радикулит у меня...

Е.В. Это возмутительно, Фея Возмездия. Уйдите.

Продолжение в следующем номере